

МОСКВА
В 1812 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МОСКВА В 1812 ГОДУ

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА
И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 83.3(0)4
Н 50

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проекты № 100100451а и 12-01-16143д

Предисловие

Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова

Подготовка текстов, вступительные статьи, комментарии,
указатель имен, подбор иллюстраций
Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова,
кандидат исторических наук А. К. Афанасьев, Н. Б. Быстрова

Ответственный редактор
канд. ист. наук А. Д. Яновский

Руководитель проекта
д-р ист. наук Ф. А. Петров

Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея / Ответственный редактор канд. ист. наук А. Д. Яновский. Руководитель проекта д-р ист. наук Ф. А. Петров. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 448 с.: ил., вклейка + карта.

ISBN 978-5-9551-0603-8

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой завершающую часть своеобразной трилогии по истории Отечественной войны 1812 года. В первых двух томах, изданных 20 лет тому назад, были опубликованы официальные реляции генерала князя П. И. Багратиона, личные письма генерала Н. Н. Раевского, дневники и мемуары воинов русской армии.

Книга, которую вы сейчас держите в руках — завершающая часть «трилогии». Она посвящена трагическим событиям, происходившим в Москве накануне и во время наполеоновской оккупации. В ней публикуются архивные реликвии из фондов Исторического музея — всего 17 рукописей. Это официальные реляции властей, показания «потерпевших от разорения неприятельского», воспоминания людей самых разных сословий: дворян, священников, купцов, мещан и даже крестьян. Читатель познакомится с перепиской императрицы Марии Федоровны — матери императора Александра I, которая тревожилась о судьбе Московского Воспитательного дома, где во время страшного пожара, насилий и грабежей, оставались сотни маленьких сирот. Свыше трети объема книги уделено положению русских священников и монахов, многие из которых своей жизнью заплатились, спасая от гибели священные для православных людей реликвии.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0603-8

© Государственный исторический музей, 2012
© Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова, А. К. Афанасьев, Н. Б. Быстрова, 2012
© Рукописные памятники Древней Руси, оригинал-макет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова.</i> Предисловие	7
<i>И. И. Миловский.</i> Песнь императору Александру I Благословенному на победу его над императором французским Наполеоном I в 1812 году, составленная села Кочкурова священником Иоанном Миловским / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	24
<i>А. Д. Бестужев-Рюмин.</i> Записки. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	44
<i>А. Я. Булгаков.</i> Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	73
<i>И. И. Багдадов.</i> Московский Воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	100
Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем московского Опекунского совета А. М. Луниным, главным надзирателем московского Воспитательного Дома И. А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф. В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	137
<i>А. А. Гамбурцев.</i> Воспоминания о 1812 годе / <i>Публ. Н. Б. Быстровой</i>	178
Рапорты Московского викария, Епископа Дмитровского Августина в Святейший Синод / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	226
Описание что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	238
Новоспасский монастырь в 1812 году / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	242
Список сгоревших в Москве церквей во время французского нашествия. Ведомость церквей, которые погорели и при коих как священно- и церковно-служительские дома, так и приходы сгорели / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	245
Именной список оставшимся в Москве в целости соборам, монастырям и приходским церквам, казенным и обывательским строениям / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	252
Секретная инструкция графа Ф. В. Ростопчина и список сгоревших, взорванных и уцелевших строений после оставления Москвы французами / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	293
Дело о гибели Арсенала Московского Кремля в 1812 году / <i>Публ. А. К. Афанасьева</i>	295
Воспоминания полковника Сергея Марина об отступлении русских из Москвы / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	352
Письма Д. К. Боткина и Г. В. Сокольского с описанием событий в Москве и Подмоскovie в 1812 году / <i>Публ. Ф. А. Петрова, Л. И. Смирновой</i>	359
Документы о хищениях французских войск в Кусково и поведении местных жителей. 1812—1813 гг. / <i>Публ. Ф. А. Петрова, М. В. Фалалеевой</i>	366
Новый Навуходонсор, сожигатель и разоритель Москвы Наполеон Бонапарте / <i>Публ. А. К. Афанасьева</i>	395
Указатель имен	437

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Ты жертва общего спасенья!
В твоих развалинах найдет
Враг мира гроб своих побед»,

— сказал о миссии, предназначенной Москве в 1812 году, знаменитый историк Н. М. Карамзин, очевидец трагической и героической эпопеи.

Ровно два века отделяет нас от Отечественной войны 1812 года. Об этой эпохе написаны тысячи книг, но интерес к ней не ослабевает. По-прежнему люди задаются вопросами: что происходило в древней столице России перед вступлением наполеоновской армии, что испытывали москвичи в течение *ровно сорока дней оккупации*.

Сорок — *число сакральное*... Вспомним, что в понедельник, 2 сентября, русская армия оставила Москву, а через несколько часов в нее вступил авангард наполеоновской армии под командованием маршала Иоахима Мюрата. В ночь с 10 на 11 октября последний французский отряд маршала Эдуарда Мортье, оставленный Наполеоном для выполнения чудовищного «спецзадания» — уничтожения Кремля, покинул древнюю столицу. А ранним утром в Москву ворвались лихие казаки генерал-майора Иловайского 4-го.

Что же испытали москвичи, вернувшись к родным гнездам после ухода неприятельской армии? И, наконец, традиционный вопрос, который вот уже двести лет будоражит умы в России, Франции, да и во всем мире — *кто сжег Москву?* А если поставить вопрос иначе: *кто виноват в пожаре Москвы?* Как нам представляется, неправомерно полностью обелять агрессора, нарушившего государственную границу нашего Отечества вопреки мирному договору между Россией и Францией, заключенному в 1807 году в Тильзите.

Вниманию читателей предлагается книга, содержащая неизвестные ранее (или публиковавшиеся во фрагментах, с грубыми ошибками) документы, хранящиеся в собрании Отдела письменных источников *Государственного исторического музея* — крупнейшего в России собрания вещественных, изобразительных и документальных реликвий Отечественной войны 1812 года.

Основы этого собрания были заложены еще в начале XX века, при подготовке к торжественному празднованию *столетнего юбилея* победы России над «двунадесятью языцев», носившему поистине всенародный характер. Именно тогда родилась идея о создании спе-

циального Музея 1812 года. В 1907 г. полковник Главного штаба В. А. Афанасьев выпустил брошюру под названием «Где быть Музеем 1812 года?». Отмечая, что «много драгоценных сокровищ эпохи 1812 года рассеяно по лицу России... ожидая в неизвестности своей участи», он считал необходимым создать Музей, который должен был стать «самым полным и лучшим хранилищем памяти великих событий этого года». Основать Музей 1812 года следовало, по его мнению, именно в Москве, «духовное значение которой как национальной русской столицы особенно возросло в период борьбы с Наполеоном» (*Афанасьев В. А. Указ. соч. С. 1—2, 9*).

При московском генерал-губернаторе был создан «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года», под председательством генерала В. Г. Глазова. В него вошли известные ученые-историки; директор Исторического музея кн. Н. С. Щербатов, хранитель Оружейной палаты В. К. Трутовский, основатель Театрального музея А. А. Бахрушин, создатель Музея русских древностей П. И. Щукин, многие коллекционеры и меценаты. «Особый комитет» обратился с подписными листами ко всему русскому обществу с призывом собирать и приносить реликвии по истории Отечественной войны.

Энтузиазм потомков героев 1812 года и ревнителей воинской славы России превзошел все ожидания. На обращение «Особого комитета» откликнулись десятки тысяч граждан России, без различий национальности, вероисповедания, сословий — от генералов до простых крестьян.

В рекордно короткие сроки удалось собрать огромную коллекцию картин, портретов, гравюр, рисунков, лубков и скульптур; огнестрельного и холодного оружия; мундиров, орденов и медалей, монет и ассигнаций; печатных изданий, военных карт и рукописей. Временно все собранное было размещено в Арсенале Московского Кремля.

Специальное здание Музея 1812 года было решено построить рядом с храмом Христа Спасителя — главным памятником в честь победы русского народа над наполеоновской армией. Это должно было «воскресить собою в памяти и сердцах посетителей музея весь ужас всенародной войны и славу почившего поколения — ту славу, которою и теперь еще живет и электризуется сто-миллионная могучая Россия». Напротив храма, между Пречистенкой и Остоженкой (там, где сейчас стоит памятник Фридриху Энгельсу) предполагалось построить «Панораму Бородинского сражения». Инициаторы

строительства полагали, что затраты на возведение этих сооружений «вольют в сердца русских людей ту мощь, которую сто лет назад явили наши предки, защищая свою родину» (См. *Петров Ф. А.* Музей 1812 года в Москве // Вопросы истории. 1988. № 2). Примечательно, что Лесной переулком (ныне Соймоновский проезд), отделяющий предполагаемые здания Музея и Панорамы, предполагалось назвать *Улицей 1812 года*.

Выдвигались различные проекты сооружения Музея 1812 года, авторами которых были выдающиеся русские зодчие, но ни один из них не был осуществлен, как из-за разногласий в среде архитектурно-художественной общественности, так и из-за тривиальной нехватки средств у Московской городской думы, финансировавшей этот проект.

Юбилейная выставка реликвий, собранных для Музея 1812 года, открылась в августе 1912 года в стенах Российского Исторического музея в присутствии императора Николая II и его семьи. А начавшаяся в 1914 году Первая мировая война и грянувшие в 1917 г. Февральская и Октябрьская революции надолго похоронили саму идею создания Музея 1812 года.

Судьба Бородинской панорамы сложилась более удачно. В 1912 году для нее был построен временный деревянный павильон на Чистых прудах, который просуществовал шесть лет. Ровно через полвека, в 1962 году, к 150-летию Отечественной войны 1812 года на Кутузовском проспекте был открыт музей-панорама «Бородинская битва».

В первые годы Советской власти собранные Музеем 1812 года коллекции были переданы в Государственный исторический музей, который по справедливости стал правопреемником задуманного, но не осуществленного проекта, сохранив и значительно приумножив собранные в начале XX века коллекции. В одном из его залов была развернута лучшая в стране постоянная экспозиция, отражавшая *все* этапы и события Отечественной войны.

Лишь в начале XXI века возродилась идея возведения специального здания Музея 1812 года — уже на территории самого Исторического музея. Эта идея получила поддержку на высшем государственном уровне. Музей открылся к 200-летию Бородинской битвы — 4 сентября 2012 года. Особое внимание в его экспозиции уделено Москве 1812 года (См. *Смирнов А. А.* Музей Отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2012).

Авторы-составители этой книги в 1991 и 1992 годах опубликовали два обширных сборника — «1812 год. Воспоминания воинов русской армии» и «1812. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии» (общим объемом 100 п. л.). Оба эти издания получили немало положительных откликов в печати, вызвали

большой интерес у всех стремящихся узнать больше о героическом прошлом нашей Родины и давно уже стали библиографической редкостью.

Предлагаемый ныне вниманию читателей труд представляет собой заключительный том своеобразной трилогии.

В сборнике публикуется 17 документов. Восемь из них хранятся в документальном собрании Музея 1812 года. Остальные были выявлены в результате многолетних архивных поисков в коллекциях рукописей, собранных профессором П. А. Бессоновым, меценатами П. И. Щукиным и П. М. Мальцевым, хранящихся в личном фонде московского главнокомандующего в 1812 году графа Ф. В. Ростопчина, архиве Московского Воспитательного дома и, наконец, собрании документов по истории науки и культуры России XVIII—XX веков.

«Москва в 1812 году» — сборник разнообразных по типам и жанрам исторических источников. Это официальные документы отдельных учреждений — Святейшего Синода, Московского департамента Сената, Артиллерийского департамента Военного министерства, Ведомства Императрицы Марии, канцелярии московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина и обер-полицмейстера П. А. Ивашкина.

Несомненный интерес у читателя вызовут воспоминания и письма очевидцев того, что происходило в Москве накануне вступления французов, во время их пребывания в древней русской столице и, наконец, положения города после изгнания неприятеля.

Авторы воспоминаний и писем были людьми разного сословного происхождения и разного возраста. Прежде всего, естественно, это были дворяне. Старше всех был директор Московского Воспитательного дома генерал-майор И. А. Тутолмин, которому в 1812 году исполнилось ровно 60 лет. 36 лет исполнилось полковнику С. Н. Марину, который с августа 1812 года занимал генеральскую должность.

Относительно молодым, но уже весьма опытным чиновником, состоявшим в это время при графе Ф. В. Ростопчине, был 31-летний А. Я. Булгаков — будущий московский почт-директор. Его сверстником был чиновник Вотчинного департамента Московского Сената А. Д. Бестужев-Рюмин — представитель древнего дворянского рода, оставшийся в оккупированной Москве с целью сохранения департаментского архива.

Очевидцами событий 1812 года были два священника — Иоанн Машков и Иоанн Миловский. Машков уже с 1799 года был иереем Архангельского собора Кремля, а в 1805 году переведен в Московский Казанский собор и в 1812 году находился в Москве. Будущему нижегородскому священнику Миловскому было в то время 10 лет, но из детской поры в памяти его особенно запечатлелась война 1812 года, символом которой для него, как и для многих других, стал «образ великой кометы». Их воспоминания в характерной для той эпохи литературной форме оды живописуют ужасы войны,

осуждают неистового корсиканца Бонапарте и воспевают Александра I «Благословенного».

Московский архитектор А. А. Гамбурцев оставил нам живой и увлекательный рассказ о днях своей юности. Вместе с родителями он не успел покинуть город и стал свидетелем многих драматических событий. Алексей Гамбурцев описал картины повседневной жизни и быта москвичей при французах, поведения временных «хозяев города» — наполеоновских генералов, офицеров и солдат, их отношение к немногочисленным оставшимся горожанам. Буквально на одном дыхании читаются страницы воспоминаний о его пребывании при одном из французских генералов, к которому русский юноша был насильно определен для прислуживания.

Письма Д. К. Боткина — брата известного чаепроговца — и мелкого чиновника Г. В. Сокольского повествуют о разорении купеческих лавок, гибели москвичей, зверствах, творимых французами в Измайлове — тогда подмосковной царской резиденции. Как отмечал выдающийся источниковед А. Г. Тартаковский, «купеческие воспоминания о 1812 году крайне редки» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год. Русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 20).

К еще более редкому типу мемуарных источников могут быть отнесены записанные писарями и приказчиками показания крепостных крестьян графа Д. Н. Шереметева о хищениях и разорениях подмосковного имения Кусково во время нашествия неприятеля. В отличие от господ, им было некуда ехать. Брошенные на произвол судьбы, они скрывались в близлежащих лесах и порой вынуждены были возвращаться в усадьбу еще во время пребывания там французов, которые заставляли их выполнять самую тяжелую работу, угрожая смертью крестьянам и избивая их.

Яркий, образный язык публикуемых воспоминаний вполне сопоставим с лучшими образцами отечественной мемуаристики по 1812 году. Они постоянно «перекликаются» между собой, а порой их авторы вступают в заочный спор, с разных точек зрения оценивая одни и те же события и реальных действующих лиц этой великой драмы.

О настроении московских жителей и поведении городских властей накануне вступления неприятеля свидетельствуют мемуары А. Д. Бестужева-Рюмина и А. Я. Булгакова. Они написаны с разных позиций. Булгаков, будущий московский почт-директор, был близким другом и доверенным лицом грозного градоначальника графа Ф. В. Ростопчина — неоднозначной личности, вокруг которой велись и, вероятно, будут продолжаться нескончаемые споры современников и потомков. Бестужев-Рюмин, напротив, претерпел лишения (материальные и по службе) от властей как член французского московского муниципалитета, созданного

в сентябре 1812 г. (он стал помощником первого в истории Москвы мэра при французском генерале Ф. Лессепсе). Безусловно, Александр Булгаков не мог быть объективным в характеристике Ростопчина, входя в ближайшее его окружение, но и оказавшийся под следствием Алексей Бестужев-Рюмин руководствовался, прежде всего, чувством личной обиды, хотя и имел на нее право. Воспоминания и письма Бестужева-Рюмина документально точны и содержат ценную информацию о настроениях москвичей накануне вторжения и положении в различных районах города при французах. Записки Булгакова, написанные в легкой, «французской» манере (его мать была француженкой) дают словесные портреты лиц из ближайшего окружения графа Ростопчина, куда входили как давно забытые персонажи, так и Н. М. Карамзин. Кстати, атрибутированы были эти записки при обработке фондов в конце 1930-х годов как записки самого Ростопчина, и лишь в процессе подготовки сборника установлено подлинное их авторство.

Публикуемые в сборнике документы вносят дополнительные сведения о том, как покидали Москву русские войска и вслед за ними входили французы.

А. А. Гамбурцев вспоминал:

Мы вышли из Кремля через Боровицкие ворота и спустились к Каменному мосту... путь нам прегражден был поспешно идущим и едущим через мост нашим войском — пехотным, конным, артиллерией, лазаретами, обозами и небольшим стадом коров и баранов, которых гнали между войсками. Смешавшись с ними, шли наши крестьяне... Лица всего этого войска, смешавшегося на поспешном ходу и шедшего без всякого порядка, до того были черны, загорели от солнца, пороха, пыли и усталости, что в них нельзя было узнать сразу русских, а измятые и запыленные, и покрытые копотью пороха их шинели не давали возможности различить не только полков, но и рода войск, к которым они принадлежали.

Полный контраст вышесказанному представляет описание торжественного вступления французской армии в Москву.

В 4 часа пополудни, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18. Звон на Ивановской колокольне утих, и вскоре Троицкие ворота в Кремле, которые были наглухо заколочены и только одна калитка для прохода оставлена, выломлены, и несколько польских уланов въехало в Кремль... Вскоре за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 ½ часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и входило в Китай-город через Спасские ворота. Шествие этой конницы было до глубоких сумерек беспре-

рывно... В 3 часа ночи неприятель зашел в Кремль конницей под командою короля неаполитанского Murat.

Вместе с русской армией отправился и потерявший реальную власть московский главнокомандующий граф Ростопчин. Об этом рассказывает полковник С. Н. Марин в своем письме к неизвестному читателю (воспоминания в виде письма были весьма распространенным жанром в публицистике этого времени). Этот документ, хранящийся в фондах ОПИ ГИМ, с неправильной расшифровкой фамилии был опубликован в «Бумагах Щукина, относящихся до Отечественной войны 1812 года», вышедших в начале XX века мизерным тиражом. При сопоставлении текста публикации с подлинником были выявлены пропуски целых абзацев, например, важных сведений о действиях партизан под Москвой в сентябре 1812 года. А тогдашняя деревня Фили, где 1 сентября проходил знаменитый Совет, была прочтена как «в Яриле»!

Сергей Марин, сын новгородского губернатора, был одним из образованнейших русских офицеров, и сам занимался литературой, получив известность в элитных частях русской армии как поэт и переводчик. Начав службу в лейб-гвардии Преображенском полку, он отличился при Аустерлице в 1805 г., а после заключения Тильзитского мира был направлен с депешами к Наполеону.

Во время Бородинской битвы полковник Марин исполнял должность дежурного генерала при П. И. Багратионе. В литературе указывается, что осенью 1812 года, тяжело заболев, Марин отправился для лечения в Петербург. Между тем, как явствует из публикуемой рукописи, он проделал вместе с русской армией *весь тарутинский марш-маневр*. Эта рукопись датирована 2 октября, когда русские, по словам Марина, уже прониклись уверенностью «в погибели врагов и торжестве правды».

Крайне любопытно упоминание в письме Марина о распространившихся в русских войсках слухах, «что для Армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 тыс. лыж, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками». Эта информация (которая, безусловно, нуждается в проверке), по нашему мнению, свидетельствует, что русское командование тогда (за несколько дней до сражения при Тарутине) еще допускало возможность продления войны на территории России до конца зимы.

Ужасы войны не могли заслонить собой простые человеческие чувства, особенно в отношении детей. Этой теме посвящена почти четверть книги. Одним из наиболее драматических сюжетов является подробное описание событий, происходивших в 1812 году в Московском Воспитательном доме, который сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный остров милосердия в объятай пламенем Первопрестольной. Идея создания

Воспитательного дома «для призрения подкидышей и бесприютных детей» принадлежала выдающемуся просветителю И. И. Бецкому и была одобрена Екатериной II. Величественный комплекс сооружений Воспитательного дома был возведен на берегу Москвы-реки и занял целый квартал. К 1812 году он входил в систему благотворительных учреждений «Ведомства Императрицы Марии» (вдовы императора Павла I Марии Федоровны).

Накануне вторжения неприятеля в Воспитательном доме находилось десять тысяч детей. Большая часть из них, по традиции, была роздана для «воскормления» крестьянам дворцовых подмосковных вотчин, что, впрочем, не гарантировало их безопасности, ибо западные и южные уезды Московской губернии стали ареной боевых действий. Мальчиков старше 12 и девочек старше 11 лет, благодаря энергичным мерам, предпринятым вдовствующей императрицей, вместе с воспитанницами Екатерининского (для дворянок) и Александровского (для девиц незнатного происхождения) институтов удалось вывезти в Нижний Новгород и Казань. Однако детей младшего возраста и грудных младенцев невозможно было эвакуировать при той панике, возникшей со стремительным выходом русских войск из Москвы и почти одновременным вступлением в нее наполеоновской армии.

В Московском Воспитательном доме, как свидетельствует специальная ведомость, оставалось 586 *малолетних питомцев*, в т. ч. 275 *грудных детей*. Вся тяжесть спасения их пала на директора Воспитательного дома И. А. Тутолмина. Специальным рескриптом вдовствующей императрицы Марии Федоровны он был назначен ответственным за Воспитательный дом, и ему было предписано – ни при каких обстоятельствах не покидать Москвы. В сложившейся ситуации ему ничего не оставалось делать, как вступить в контакт с французскими оккупационными властями и убедить самого Наполеона в необходимости спасти жизни несчастных маленьких сирот.

Спланированная изначально изолированность Воспитательного дома от окружающей застройки способствовала сохранению его от бушевавшего вокруг пожара, от поджигателей и мародеров.

Из текста публикуемого источника видно, с каким достоинством русского дворянина (род Тутолминых восходил к XVI веку) замечательный педагог и администратор Иван Акинфиевич Тутолмин сумел выйти из сложнейшего положения. Наполеон принял генерала русской армии и, пожалев детей, согласился выставить караулы для охраны Воспитательного дома. Но взамен выдвинул ряд своих условий.

Первое условие было почти курьезным — давать русским сиротам фамилии в честь Наполеона, его маршалов и генералов (так появились на свет Алексей Наполеонов, Дарья Тревизская и т. п.). Публикуемый в книге полный список таких французских фамилий представляет интерес, ибо императрица Мария Федоровна строго-настрого запретила упоминать об этом факте.

Куда более опасным оказалось другое требование Наполеона — разместить на территории Воспитательного дома раненных и зараженных инфекционными заболеваниями французских офицеров и солдат. Тутолмину удалось пресечь малейшее соприкосновение вверенных ему питомцев с больными, разделив Воспитательный дом на две половины и пожертвовав служебными помещениями под французский госпиталь.

Но главным и неперемнным условием французского императора было требование, чтобы Тутолмин написал письмо лично Александру I. Целью этого письма было установление контакта с русским императором через официальное лицо, пользовавшееся полным доверием его и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которую Наполеон считал своим злейшим врагом (именно она категорически воспротивилась в свое время выдать замуж за него своих дочерей).

Это письмо достаточно хорошо известно. В нем император французов и король Италии уверял российского самодержца в своем искреннем намерении обойтись с Москвой так же, как с другими европейскими столицами, сдавшимися на милость победителя.

В исторической литературе указывалось, что это письмо якобы заканчивалось следующими словами, продиктованными Наполеоном Тутолмину: «Напишите Вашему Государю, что я желаю мира, и отправьте с доставкой своего чиновника».

Однако в подлинном тексте письма Тутолмина Александру I от 6 сентября 1812 г. (это письмо впервые полностью и без искажений приводится в сборнике) *этих слов нет*. Первый, кто упомянул о мирных предложениях Наполеона Александру, сделанных через русского генерала (точнее, действительного статского советника), был известный историк М. И. Богданович. Эти сведения Богданович почерпнул из книги французского мемуариста А. Ж. Фэна, которую, по нашему мнению, нельзя считать полностью достоверным источником.

Дело в том, что Тутолмин как высокопоставленный чиновник, находившийся на действительной службе, не мог взять на себя подобную миссию.

Таким образом, изучение документов Воспитательного дома позволяет с уверенностью утверждать, что Наполеон, находясь в Москве, сделал русской стороне *не три — как традиционно считается, а два* официальных предложения о мире. *Первое* было послано через отправленного в Петербург отставного гвардии капитана, помещика И. А. Яковлева (отца А. И. Герцена), чей поступок (вспомним «Былое и думы») вызвал негативную реакцию русских властей; *второе* — через генерала Ж. Лористона, посланного к главнокомандующему М. И. Кутузову. Об ответе Кутузова Лористону образно написал священник Иоанн (Машков) в своей оде, которой заканчивается сборник:

Извольте вы назад вернуться, Лористон!
Я стар, то знает ваш и сам Наполеон;
И опытен давно; обманут им не буду:

Что ж сделал он с Москвой, по смерть я не забуду.

В конечном итоге директору Московского Воспитательного дома удалось во время неприятельской оккупации, среди бушующих вокруг пожаров сохранить жизнь почти всех детей. Парадоксально, но смертность среди питомцев в 1812 г. (включая розданных подмосковным крестьянам и эвакуированных) оказалась даже ниже, чем в предыдущем 1811 г. — 1417 против 1453.

В связи с отъездом из Москвы чиновников Мариинского ведомства на Тутолмина была возложена также ответственность за находившиеся в этом же ведомстве другие учреждения — Странноприимный дом Прасковьи Шереметевой, Екатерининский и Александровский институты, Павловскую больницу для бедных и Вдовый дом на Кудринской площади. Тутолмину удалось сохранить от пожара все эти заведения, за исключением Вдовьего дома, который постигла страшная участь. «Воспитательный Дом, — писал биограф Тутолмина, — в 1812 году был домом милосердия для многих посторонних людей; они нашли в нем не только убежище, но и покойное помещение и пищу». Здесь нашли пристанище вдовы мелких чиновников, унтер-офицеров и солдат; маленькие воспитанницы Александровского и Екатерининского институтов для дворян и других сословий; «деревенские сироты, оставленные своими воспитателями, и спасена жизнь многим младенцам и детям, оставшимся после сгоревших матерей».

Таким образом, роль Тутолмина была совершенно иной, нежели роль москвичей, вошедших в состав французского оккупационного муниципалитета — вроде архивного чиновника Бестужева-Рюмина. Тутолмин сам прямо и откровенно докладывал в Петербург о вынужденных встречах с Наполеоном, его маршалами и генералами. Из рескриптов Александра I и Марии Федоровны явствует, что они полностью были удовлетворены деятельностью директора Московского Воспитательного дома — он был награжден орденом св. Анны 1-й степени. Но силы и здоровье Тутолмина были подорваны сверхчеловеческим напряжением, и вскоре он скончался.

В то же время «помощник мэра города Москвы» Бестужев-Рюмин покинул Москву 11 октября, т. е. в день оставления ее французами, что создало впечатление у следственной комиссии об его причастности к творимым ими бесчинствам. Не случайно в первом же рапорте Ростопчину от московского обер-полицеймейстера, датированном 13 октября, он был назван в числе изменников.

О своеобразном проявлении «толерантности» со стороны французов свидетельствует и еще одно, впервые публикуемое письмо, обнаруженное в обширном собрании бумаг князей Куракиных в ОПИ ГИМ. Речь идет о Куракинской богадельне на Новобасманной улице, где в 1812 году с комфортом разместился «московский генерал-губернатор» герцог Тревизский — маршал Эдуард Мортье. «Бриллиантовый князь» — как называли Алек-

сандра Борисовича Куракина, находясь во Франции в качестве русского посла, был задержан на три месяца в Париже после начала войны. На пути домой, в Гамбурге, его застало любезное письмо государственного секретаря Гюга Маре, герцога Бассано, из Москвы. Извещая Куракина, что питомцы богадельни отправлены в Саратовскую губернию, Маре писал: «Ваше великолепное жилище осталось нетронутым. Человек, которого я отправил его осмотреть, подтверждает, что ни один предмет мебели, ни одна картина не были повреждены, и что великолепное бюро императора Павла, подаренное Вашей Светлости, даже не было вскрыто...». Мы уже писали, что при отступлении французов именно Мортье было поручено взорвать Кремль. Куракин умер через шесть лет — своей смертью. А вот Мортье, ставшего впоследствии военным министром Франции, постигла страшная участь: сопровождая короля Луи-Филиппа, он был разорван на части бомбой, брошенной анархистом.

Одной из центральных тем Москвы в 1812 году является проблема спасения раненых в кровопролитных сражениях, — как русских, так и французов.

Уже в начале августа по распоряжению Ф. В. Ростопчина в Екатерининском дворце в Лефортове был устроен госпиталь. Там под руководством знаменитого лейб-медика Х. Ю. Лодера опытные врачи и фельдшеры спасали тысячи раненых в кровопролитном Смоленском сражении.

Еще более сложной задачей для графа Ростопчина стало спасение раненых в Бородинской битве. Бестужев-Рюмин вспоминает, как 28 августа «привезли в Москву раненных при селе Бородине и поместили их в разных казенных и партикулярных домах». Гамбурцев рассказывает:

Когда мы шли домой у церкви святого Уара (покровителя немощных) встретили несколько наших раненых, разных полков и родов войск; одни из них сидели, другие лежали, а многие стояли. В числе их были и тяжелораненые. Всем им жители Кремля раздавали пищу, питье, белье, корпию, кто что мог, а некоторые проходящие через Кремль обыватели, даже давали деньги...

Ростопчин не без основания гордился тем, что сумел эвакуировать свыше 20 000 раненых из Москвы. Каково же было положение раненых, оставшихся в городе?

Большинство тяжелораненых, которых не удалось эвакуировать — около 3 тыс. человек — разместили в госпитале, устроенном во «Вдовьем Кудринском доме» (рядом с нынешним высотным зданием на площади Восстания). Как сообщил смотритель Вдовьего дома (получивший тяжелые ожоги, но оставшийся в живых), госпиталь был обстрелян французской артиллерией.

Начался пожар. Раненые, как могли, выбирались наружу. Но семьсот человек сгорели заживо.

3 сентября Тутолмин «получил известие, что русские больные и раненые, в Александровском и Екатерининском училищах находившиеся, оставлены без пищи, присмотру, и что мертвые тела не похоронены». Как неприятель обходился с русскими ранеными, видно из прошения одного из них, который «при очищении госпиталя неприятелем, был вместе с мертвыми телами выброшен со второго этажа, и только через несколько дней опять перенесен в госпиталь».

Оставляя Москву, французское командование попросило Тутолмина «принять французских раненых и больных, в Воспитательном Доме находившихся, в свое попечение». Всего «оставлено было в Воспитательном доме до 1 500 рядовых и 16 офицеров, больных и раненых. Но для них не было оставлено ни пищи, ни лекарств и никаких других потребностей, так что с 11 октября все они находились на содержании Дома». При этом, как вспоминал Гамбурцев-отец, бывший питомец Воспитательного дома, раненые и больные офицеры наполеоновской армии содержались «с довольно опрятным бельем, при некоторых находились даже столики, на которых стояли лекарства...». Тем не менее, «пробытие в Воспитательном Доме французских раненых и больных, во все время в числе 8 000 человек, оставило после по себе весьма вредные и продолжительные последствия, не только в материальном отношении, но и в отношении к чистоте воздуха и здоровья».

Смотритель Павловской больницы для бедных (ныне 4-я градская), находившейся напротив Данилова монастыря, вспоминал, с каким трудом ему удалось защитить больницу от бесчинств отряда поляков, которые, ворвавшись на ее территорию, стали «уносить вещи и ломать мебель», забирать все съестные припасы, дворовый скот, птицу, а также лошадей, упряжь, экипажи и фураж. От дальнейшего разграбления спасло лишь обращение смотрителя к старейшему наполеоновскому маршалу Лефевру, находившемуся в Кремле. В больнице был поставлен гвардейский караул.

С 8 сентября в больницу стали помещать раненых французских офицеров, за пять дней положили свыше 120 человек. «Пища на больных выдавалась по назначению военных комиссаров из передовых частей — худой говядины по фунту и хлеба, из ржаной муки просеяного, столько же весом. Огородная овощь для варения супа — картофель, репа, морковь и капуста собиралась рабочими в больнице по соседним огородам ... а с 23 сентября по 10 октября на каждого отпускаемо было по полубутылке виноградного вина». В итоге умерли лишь один офицер и два рядовых наполеоновской армии. Русские больные (большая часть из них разошлась по домам, осталось лишь 23 человека) «получали суп из картофеля со сметками и по два фунта ржаного хлеба». С трудом переносил персонал больницы «беспорядок, нечистоту и своеволие» наполеоновских вояк, кото-

рые сожгли все деревянные больничные корпуса и служебные помещения.

В то же время в находившейся на другом конце города, на Божедомке, Мариинской больнице для бедных французский директор определил «для больных весьма посредственную пищу» и «уменьшил выдачу хлеба до того, что едва только жизнь больных поддержать было возможно».

Безусловно, центральной темой Москвы в 1812 году является знаменитый «пожар московский».

Наполеон, его сподвижники и многие русские полагали, что главным виновником пожара был Ростопчин. По прошествии времени сам московский генерал-губернатор, желая снять с себя ответственность, опубликовал в 1823 г. в Париже брошюру «Правда о московском пожаре 1812 года». Как вспоминала его внучка, графиня Л. А. Ростопчина, «боялся ли он недовольствия императора, без приказания которого он решился истребить Москву, чтобы спасти честь России, озлоблен ли он был на москвичей, которые поносили его за истребление их имуществ и писали ему угрожающие письма, — трудно решить...».

Что ж, пусть говорят очевидцы. Показания их тем более интересны, что они находились в центре и различных окраинах города — от юга до севера, в восточных предместьях (Измайлово и Кусково). Кстати, именно в тогдашнем восточном предместье — Семеновском — произошла, как выясняется из публикуемых источников, *одна из первых стычек* местных жителей с авангардом французской армии.

Первые пожары в Москве начались еще до входа французов в Москву. Алексей Гамбурцев перед приходом французов жил с родителями в приходе церкви Ильи Обыденного в Пречистенской части. Он вспоминал, что 1 сентября «в воскресенье с полудня показался дым к стороне Симонова монастыря. После мы узнали, что это горели барки на Москве-реке, с хлебом, частным и казенным, и с комиссариатскими вещами, и что все это делали сами хозяева барок из доброй воли и по приказанию, а которых барок нельзя было жечь, те топили...». Об этом же писал и С. Н. Глинка (*Глинка С. Н. Записки о 12-м годе // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 263*).

Дело в том, что по секретному предписанию Ростопчина полицмейстер А. Ф. Брокер и квартальный надзиратель П. И. Вороненко организовали поджоги в различных частях, значительно удаленных друг от друга, в частности, на Винном и Мытном дворах, Кригс-комиссариате и севших на мель барках у Красного Холма и Симонова монастыря (*Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6—7. С. 91*).

Но основные пожары вспыхнули вечером 2 сентября, когда русская армия уже покинула город. Вот что писал об этом Бестужев-Рюмин: «Я пошел посмотреть, что делается в городе на Лобном месте, что близ Кремлевских Спасских ворот. Площадь была полна народу, так что тесно было... В 8 часов вечера сильное пламя показалось в Китае-городе, в Москательном ряду». Бестужев свидетельствует, что в то же время «множество мародеров бегали в комнатах Сената со свечами и с обнаженными саблями, выкидывали из окон на круглый Сената двор столы и стулья, где и разложен был огонь».

Тутолмин упоминает о том, что «с самого первого вечера начались пожары, кои день ото дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы — в низкие места из рук, а в высокие — из пистолетов». Это доказывает, что среди поджигателей были с самого начала и *французы*, ибо вряд ли православные русские люди стали бы кидать в храмы зажигательные снаряды. Священник И. П. Машков подтверждает, что «конные неприятели, имея при себе зажигательные фитили, около рук обвинившиеся, натерши сперва дерево фосфорическим составом, зажигали теми вкруг здания...»

3 сентября, как вспоминает Бестужев-Рюмин, «в 9 часов вечера сильный дым показался на Арбате». Тутолмин пишет, что в тот же день французские солдаты стали ломать конюшни, сараи и заборы Воспитательного дома, находившиеся во дворе экипажи и разводить костры для обогрева.

В ночь со 2-го на 3-е сентября, как вспоминает Гамбурцев,

...все нас окружавшее было освещено как днем от зари повсеместного пожара, а дым, стлавшийся, едкостью своею душил нас и ел нам глаза. Тогда уже почти вся Москва пылала!.. Мы были поражены страшною картиной: наш Лесной ряд горел в огромном пламени и дыме. Самая Москва-река покрыта была огнем и дымом, на ней горели полоты лесов и дров. Замоскворечье тоже пылало и представляло из себя огненную реку... по обоим берегам Москвы-реки бежали наши русские, с женами и детьми; все это кричало, плакало! Между их скакали и шли неприятели в разные стороны и в разных направлениях: одни стреляли в бегущих от них обывателей, другие грабили на месте. Вся эта картина поразила нас глубоко. Шум и стук от развалившихся зданий, от падения целых стен и крыш, и от полета в воздухе огромных головней и балок, крик вдали народа, обывателей и неприятелей, ржание коней, стрельба из ружей и пистолетов — это все так нас ужаснуло, что мы все бросились на двор, не помня себя от страха.

2 сентября вынужденная спасаться от пожара семья Гамбурцевых оказалась на Орловском лугу, близ старого Крымского моста. Этот луг стал своеобразным «островом спасения» среди объятый пламенем столицы — там нашли пристанище сотни обездоленных москвичей:

«Мы пришли на сказанный луг уже вечером, поэтому все окна дома, бывшего на лугу, были ярко освещены, что показалось нам довольно странным, потому что на дворе, от пожаров был вместо ночи совершенный дневной свет».

Взоры собравшихся были обращены

на Кремль, который тогда рисовался в неопisanном величии и виде. Он был ярко освещен огнем пожаров со всех своих сторон. Особенно красовались вышки царских теремов, Иван Великий, соборы, башни и собор Василия Блаженного. Наступило утро вторника, что мы могли узнать по часам, у кого они еще имелись, иначе нельзя бы отделить ночь от дня: такова светла была эта ночь от зарева пожара. Самый дневной свет казался тогда темнее от дыму... Днем облака от дыму были черные, а ночью — они светло-красные...

Это же отразил в своей оде Миловский:

Москва пылала вся в огнях неугасимых,
И к небу восходил как туча черный дым,
Там ночь была как день в зарях незаходимых,
А дневный свет во мгле куренья был незрим.

«4 сентября, — пишет Бестужев-Рюмин, — огонь сильно действовал круг Кремля, и Троицкая башня с часами уже выгорела, в рассуждении чего все старой гвардии солдаты, квартирующие в Сенатском доме, коих было около 5 000 человек (о числе оных они сами сказывали) высланы были к потушению огня».

Тутолмин рапортовал Марии Федоровне: «4 сентября был самый жесточайший пожар... Весь город был объят пламенем... Горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен. Все были жертвою сей неумолимой. Даже мосты и суда на воде против Дома были в огне!».

Сам Тутолмин проявил огромную самоотверженность, спасая вверенных ему детей:

Воспитательный дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружен пламенем. Все окрестные строения в самой быстроте пожирались огнем, и еще более ужасал меня опасностью бывший тогда весьма сильный ветер, который метал искры со всех сторон к нам на все дворы, в которых были поставлены дрова. Для отвращения сей опасности расставил по дровам воспитанников с их приставниками, с шайками и венниками и заставил их гасить искры, которые как дождь на оные сыпались. В Квадрате, корделожах и окружном строении загорелись оконные рамы и косяки, и я с подчиненными моими, бодрствуя несколько уже ночей, во все стороны бросался для спасения от гибели Дома, употребляя к тому свои пожарные трубы, разламывая с

подчиненными своими собственные заборы, раскидывая строения и заливая загоревшиеся места.

Один из помощников Тутолмина «охранял всю сторону к городской стене, где построены были конюшни и лежало большое количество дров, и хотя эти строения и дрова многократно от ужасного огня и сильных искр загорались и от жары даже стекла в оконных рамах были повреждены, однако он спас благополучно вверенную ему сторону, хотя сам был в такой опасности от огня, что даже все платье на нем обгорело».

Директор Воспитательного дома должен был

...несколько раз возвращаться к детям и приставникам для увещевания и ободрения их, которые от страха и предстоящей гибели в сию ночь не могли быть в отделениях, а находились на Квадратном дворе, и, наконец, при очевидной опасности вывел всех детей на корделожный двор... После столь ужасного пожара я все еще оставался в величайшей опасности; ибо не переставали ходить французские зажигатели около дома, и для того учредил я из своих подчиненных беспрестанные днем и ночью обходы, и во всех сторон приготовил воду. Таковыми мерами избавил я Дом от огня.

При этом Тутолмину удалось спрятать в подвалах шесть коров, которые были необходимы для вскармливания грудных младенцев.

Смотритель Павловской больницы Носков рапортовал в Ведомство императрицы Марии Федоровны что в ночь с 4-го на 5-е сентября, «при сильном ветре пламенем объятая Москва и приближавшийся по ветру огонь, наполнял всех ужасом... Спасавшиеся же от пожара люди бродили по улицам и садам толпами, где последние от оных платья и кусок хлеба, служивший для одного дня пропитанием, злодеями были отбираемы».

Бестужев-Рюмин рассказывал, что 5 сентября «горела Сретенская часть, что у Сухаревой башни, и тот самый дом, в котором я ночевал, обе Басманные улицы и Немецкая слобода. Я с семейством моим и другими приставшими ко мне людьми укрылись близ церкви Спаса что в Спасском, которая в два часа пополудни загорелась».

Не меньшие беды ожидали москвичей при отступлении наполеоновской армии. Тот же Бестужев вспоминает, что накануне ухода французов один из солдат Старой наполеоновской гвардии доверительно сказал ему:

Спасайтесь, мой дорогой, если можете — Кремль взорвет на воздух, как и всякое другое место, близ которого вы жили. Отдан даже будет приказ — убивать всякого, носящего оружие, и зажечь все дома, которые не были сожжены... 8 октября взорваны ящики с порохом на Пушечном дворе... В 11 часов зажжен Кремлевский дворец, и французские войска, под командою маршала герцога Тревизского оставшиеся, вышли из Москвы через Каменный мост по Калужской дороге... 11 октября, в 2 часа пополуночи, взорван Кремль в пяти местах.

Тутолмин рапортовал Марии Федоровне 12 октября 1812 года:

7 числа сего месяца император Наполеон выехал из Москвы к главной армии своей..., в Москве же оставался маршал герцог Тревизский с малым числом войск, которое с 9-го числа начало перебираться в Кремль, где прежде того производимы были злодейственные приготовления для взорвания на воздух находящихся в Кремле зданий. 10-го числа, по наступлению ночи, в Воспитательном доме снят французский караул, и все французские войска вышли из Кремля и оставили город.

И произошел «в ночи с 10-го на 11-е число страшный и необыкновенный треск и гул, с огненными и дымящимися столбами в стороне Кремля-города... В 11 часов загорелся Кремлевский дворец, а во 2-м часу ночи первым сделался жестокий удар, подорвавший и разрушивший Арсенал. Каковых было пять ударов, которыми были разрушены пристройки к Ивановской колокольне и часть Кремлевской стены. Соборы же, Промыслом Божиим, остались целы, но самым хищным способом разграблены».

Самое впечатляющее описание пожаров и взрывов в Кремле дано в воспоминаниях Гамбурцева:

Соборы, терема и Иван Великий, освещенные его пламенем, являли собою дивную картину, окаймленную древнею Кремлевскою стеною с башнями. Картина еще увеличивалась силуэтами Василия Блаженного, Воспитательным домом и огненною полосою Москвы-реки, между которыми мелькали оставшиеся строения, и все это венчалось космами пламени и тучами дыма, испещренного искрами и огненными головнями, летавшими туда и сюда. Жилище русских царей горело, никем не прекращаемое. Народ глядел на это в ужасе и безмолвствовал. Слышались одни только вздохи и молитвенные слова: «Господи, помилуй!»

Хотя разразившийся в эту ночь над Москвой ливень частично загасил фитили мин, а ворвавшиеся утром в город казаки Иловайского разминировали оставшиеся, тем не менее, разрушения были ужасны.

Я не берусь описать ужаса, — продолжает Гамбурцев, — какой объят все русских, находившихся в Кремле, ни той картины, какую мы видели при взрыве в Кремле Арсенала, пристройки к Ивану Великому, наконец, Водовзводной башни и других в Кремлевской стене и частей самой стены, но упомяну лишь о том, что тогда было с нами на лугу... Я и те, с которыми я ближе находился, почувствовали какое-то необъяснимое движение под ногами нашими, и мы еще не успели передать его друг другу, как яркий свет озарил нас на мгновение, за которым раздался такой страшный и оглушительный удар, как будто над головою нашу ударил оглушительный гром с таким треском и гулом, что мы едва

удержали дух и едва устояли на ногах. И громада пристройки к Ивану Великому в глазах наших как перушко взлетала на воздух и падала на землю, как брошенный мячик, оглушая нас и всю окрестность страшным стуком и гулом, и все это происходило не более одного мгновения!.. Вслед за этим взлетел на воздух Арсенал, потом башни с частями стен, балки из Арсенала летали по воздуху, как пылинки, одна из них, как я после видел, концом своим воткнулась в кровлю Сената, и не было между нами человека, который не читал бы себе отходную... Один другого прощал и просил прощения — все думали, что вся Москва взлетит на воздух!

«Дело о погибшем в Москве артиллерийском имуществе» также содержит ценные документы о московском пожаре 1812 года. Артиллерии генерал-майор Пичугин в конце 1812 года рапортовал в Артиллерийский департамент Военного министерства, что по прибытии в Москву после изгнания неприятеля он убедился, что «1) Арсенал от Никольских ворот до половины взорван, да и оставшаяся другая половина без окон и дверей и весьма повреждена в сводах, так что даже опасно входить...; 2) под Симоновым из 9 пороховых погребов 2, где хранилась селитра и сера, внутри выгорели, и из них у одного от пожара крышка упала». Пожаром был совершенно уничтожен Полевой двор, находившийся у огромного (32 гектара) Красного пруда, где, кстати, по повелению Ростопчина потопили часть оружия и боеприпасов, которые не смогли вывезти из Москвы.

В рапорте Пичугина от 16 декабря указывалось, что Ростопчин выделил начальнику Арсенала полковнику Курдюмову 18 барок для вывоза артиллерийского имущества по Москве-реке, но из них только восемь оказались годными. Эти барки были нагружены порохом и свинцом, отправлены по Москве-реке 1 сентября, но сели на мель в районе Перервы.

Публикуемые материалы вносят дополнительные сведения к характеристике солдат «Великой армии», постепенно превращавшихся в деморализованных мародеров. Бестужев-Рюмин вспоминал, что 4 сентября (когда Наполеон был вынужден покинуть Кремлевский дворец) отняли у него большую сумму денег и одежду в присутствии одного из самых близких к Наполеону маршалов — Ж. Б. Бессьера, герцога Истрийского: «один солдат меня едва не проколол штыком ружья своего, называя нас зажигателями. У сына моего 12 лет, к которому в карман кафтана положил 3 тыс. р., сорван кафтан и фрак, и оставлен он в одной рубашке; у младенца же 7 недель, при матери находившегося, и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока».

Через два дня, близ загоревшейся церкви Спаса на Садово-Спасской Бестужев вновь встретил французских мародеров, которые, «обнажив тесаки, требовали наши